

даря Майкова за то, что «пристроили Пашу», Достоевский восклицал: «Уж если у Порецкого не уживется, — то чего же ему надобно?» (28₂, 330). Через год Майков отправил А. У. Порецкому следующее послание:

Любезный Александр Устинович! Опять
К Вам этот юноша является как к
Богу, —
Нельзя ли помощи или руку или ногу
Вам с Вашей высоты теперь ему подать.
Как Богородица или как все Святые,
Чрез коих к Господу мы открываем путь, —
Я поспеваю пристегнуть
К его мольбам мои мольбы худые.
Чрез то прославитесь Вы громко между нас —
Как Ваш великий тезка Певский.
Мы все, все выше звезд восхвалим Вас,
Особенно же Федор Достоевский —
Известный романист, приятель общий наш.
Примите же, и прочее. Весь Ваш

А. Майков
1869
23 окт «ября»⁶

По-видимому, Порецкий не остался безучастным и на этот раз, и П. А. Исаев получили повышение в должности или прибавку жалования, так как позднее, когда обсуждалась возможность перевода Исаева от Порецкого в Государственный банк к П. И. Ламанскому, Достоевский писал Порецкому 8 (20) января 1871 г.: «Я знаю, что Вы во многом ему помогли, и бог вознаградит Вас за это» (29₁, 171).

Второе стихотворение Майкова обращено к приятелям из общего дружеского круга с Достоевским и принадлежит к циклу лирических раздумий поэта.

С. Д. Яновскому и А. У. Порецкому

О, грустно думать, что напрасно
Господень дар виспослан мне,⁷
Что должен гибнуть я безгласно
И в темноте и в тишине;
Что мысль, которую страдает,
Пока ее не скажем, ум,
Невозвратно погибает
В числе пустых и пошлых дум.

А. Майков.⁸

⁶ ИРЛИ, ф. 407, № 3.

⁷ Частичный парафраз на «Евгения Онегина» Пушкина, где:

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана.

(гл. восьмая, ст. XI)

⁸ ИРЛИ, ф. 407, № 3.

В. И. КАЛАТУЗОВ — КОРРЕСПОНДЕНТ ДОСТОЕВСКОГО

Обнаружен архив В. В. Лаврского, известного своим влиянием на юного Н. А. Добролюбова. Это четыре тома переписки за 1849—1883 гг., пагинированные самим В. В. Лаврским.

До этой находки известия о Василии Ивановиче Калатузове были сухи, скудны и кое в чем неверны. Калатузов — автор двух статей в журнале «Эпоха», вызвавших возражения цензуры,¹ — «Монтаны» (1864, № 8) и «Очерк быта и верований скопцов» (1865, № 1). Он писал Достоевскому (27, 96), тот, надо полагать, ответил (27, 97), по письма не сохранились (27, 364, 366).

Судя по тому, что в конце сентября 1860 г. Калатузову было «только 27 лет»,² годом рождения с большой долей уверенности можно считать 1833-м. Возраст его настойчиво подтверждается А. И. Дубровиной, невестой Калатузова (I, 90), таким образом, 1831 г., указанный В. С. Нечасовой как год его рождения,³ дан ошибочно, видимо, ее ввели в заблуждение сведения «Всемирной иллюстрации».⁴

Калатузов родом «из Кавказа» (I, 272), «полугрузин» (I, 191), окончил ставропольскую семинарию, в 1854—1858 гг. учился в Казанской духовной академии, а по ее окончании стал преподавать в самарской семинарии Священное Писание,⁵ совмещая это с работой секретарем в 1858/59 учебном году, а в 1859/60 — экономом (I, 184). В 1860 г. он пытался перевестись в ставропольскую семинарию «на математику и физику» (I, 628), но случилось так, что «Синод отказал ему в просьбе перевести его теперь на Кавказ» (II, 81), а «в Самару на его место назначили уже из академии студента» (II, 140), и Калатузов остался «без места» (II, 197). «Что такое была жизнь его в Самаре, если б она продолжалась! — пишет В. В. Лаврский, — он тратил, без счастья и без радости тратил свои самые лучшие годы! <...> Годы семинарской службы были бы только годами потери для него; он должен бы был только откладывать еще на будущее время жизнь. А выйти на гражданскую службу ему всего удобнее на Кавказе...» (I, 617). На Кавказе жила его се-

¹ См.: Нечасова В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 114.

² Архив В. В. Лаврского. Т. 2. С. 175. Собрание Н. В. Серебрянникова (Томск). В дальнейшем ссылки в тексте с указанием тома и страницы соответственно римской и арабской цифрами.

³ См.: Нечасова В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 273.

⁴ «... 62 лет». — Всемирная иллюстрация. 1893. 27 нояб. Т. 50. № 1297. С. 405. Информация о том, что «он воспитывался в Казанской духовной академии вместе с А. П. Шаповым» (там же), также не вполне точна: А. П. Шапов учился на предыдущем курсе и кончил академию в 1856-м, на два года раньше. См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы). Казань, 1892. Вып. 3. С. 387. Кажущееся несоответствие в сроках оттого, что Московская духовная академия принимала студентов по нечетным годам, а Казанская — по четным.

⁵ См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии... С. 399. П. В. Знаменский и Калатузов были знакомы: Архив В. В. Лаврского. Т. 2. С. 81.

мья — мать и племянница, дочь покойного старшего брата (II, 240). Однако жизнь Калатузова оказалась навсегда связанной с Самарою. В 1860—1861 гг. он все еще при семинарии, в которой «несколько лет был преподавателем»;⁶ в январе 1862 г. его бывшая невеста вышла замуж за его однокурсника и коллегу по Самаре В. В. Лаврского (III, 729), и имя Калатузова исчезло из переписки. Он «в 1863 г. вынел из духовно-училищной службы и поступил на должность секретаря самарской консистории»,⁷ каковую занимал до самой смерти.⁸ Несомненно, Достоевский в Самаре ему и писал.

В 1864—1865 гг. в «Эпохе» появились две его статьи о расколе. На эту тему он в «Самарских епархиальных ведомостях» опубликовал еще две работы: «К истории верований и нравов наших сектантов» (1867, № 10) и «О монпанской секте в с. Дубовом Умете» (1870, № 16, 18, 19, 21, 23).

В мае 1871 г. Калатузов в Петербурге, где выступил посредником в затянувшемся споре Н. С. Лескова и В. В. Каширева о публикации в «Заре» романа «Божedomь».⁹

На статье «Наша епархиальная литература» («Современность», 1873, № 1) его творческая деятельность, если не считать некролог своему преемственному («Самарская газета», 1891, № 10), прекратилась.

К 1892 г. Калатузов в чине коллежского советника и награжден тремя не очень крупными орденами.¹⁰

Скончался он в Петербурге 19 октября 1893 г.¹¹ (в Полном собрании сочинений Достоевского даты его жизни не отмечены — 28₂, 570). «Вы, — писал В. В. Лаврскому протоиерей А. Преображенский, — очень метко определили служебное качество покойного словом „нейтральный“: как добрый человек он всем был человек».¹²

Л. М. РЕЙНУС

О ПЕЙЗАЖЕ «СКОТОПРИГОЛЬЕВСКА»

Пейзажи петербургских романов Достоевского отличает тесная связь с топографией реального города, насыщенность топографически достоверными деталями («реквизитом», по Д. С. Лихачеву).

«Подлинность сцены поддерживает ощущение подлинности действия, — подчеркивает Д. С. Лихачев. — Произведения Достоев-

⁶ Всемирная иллюстрация. С. 405.

⁷ Знаменский П. История Казанской духовной академии. . . С. 387.

⁸ См.: Всемирная иллюстрация. С. 405.

⁹ См. письмо Н. С. Лескова П. К. Шибальскому от 17 мая 1871. — Шестидесятие годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940, с. 318. Идентифицируется ввиду редкой фамилии, связи Калатузова с Петербургом и его тяготений к литературе православного направления.

¹⁰ См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии. . . С. 387.

¹¹ См.: Всемирная иллюстрация. С. 405.

¹² Письмо от 24 октября 1893 г. — Науч. б-ка Томск. гос. ун-та, архив Г. Н. Потанина, л. 1087 сквозной пагинации.

ского рассчитаны на это ощущение подлинности и поэтому переполнены „реквизитом“ (< . . . >). Достоевский нуждался в этом „реквизите“ не только для того, чтобы убедить читателя в реальности создаваемых им событий, но также, чтобы убедить в них себя самого».¹

В качестве примера топографической точности описания обычно приводится пейзаж в романе «Преступление и наказание», частым предмете литературных экскурсий.² Но анализ и этого произведения показывает, что городской пейзаж в нем не идентичен реальному. Правомерен сделанный вывод, что «скрупулезный топографизм, присущий очерку и роману 40—60-х годов, был чужд Достоевскому».³ Для изучения творческого использования пейзажа, его элементов особый интерес представляет последний роман писателя «Братья Карамазовы».

Действие этого произведения происходит в небольшом уездном городе. Касаясь причин, побудивших писателя избрать новое место действия, Г. М. Фридендер пишет: «Достоевский переносит действие из Петербурга в провинцию для того, чтобы показать, что те болезненные социально-психологические процессы, которые он обрисовал в своих романах 60-х годов, перестали быть „привилегией“ Петербурга, что они усилились и охватили в большей или меньшей степени всю страну (< . . . >). Достоевский отчетливо видит, что в России не осталось ни одного самого тихого уголка, где бы не кипела скрытая борьба страстей и не ощущались с большей или меньшей силой напряженность и острота поставленных жизнью вопросов».⁴

Теперь общепризнанно, что в уездном городке Скотопригольевске, где происходит действие романа, воплотились многие черты Старой Руссы, куда Достоевский регулярно приезжал в последний период своей жизни (1872—1880) и где в 1876 г. купил дом, в котором было написано более половины «Братьев Карамазовых». В Полном собрании сочинений Достоевского можно прочесть: «Самое название городка — Скотопригольевск — навеяно старорусскими впечатлениями (< . . . >). В романе использованы не только впечатления и подробности старорусской жизни писателя, но также детали планировки и облик самого городка» (15, 404).

Касаясь важной роли каждодневных впечатлений как источника познания действительности, Г. М. Фридендер говорит: «Каждый человек живет в определенной, более или менее узкой, непосредственно окружающей его среде. И вместе с тем через нее он связан со всей действительностью, с миром, человечеством».⁵

Достоевский вел в Старой Руссе замкнутый образ жизни. Тем большее значение приобретали для познания города, его обитателей

¹ Лихачев Д. С. В поисках выражения реального. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 5—6.

² См. например: Холшевников В. Е. Федор Михайлович Достоевский. // Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1968. С. 487—491.

³ См.: Кулман К. А., Конечный А. М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1976, № 2. С. 180—190.

⁴ Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 328.

⁵ Фридендер Г. М. Поэтика русского реализма. М., 1971. С. 117.